

ПРОБЛЕМЫ ПОЭТИКИ ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

УДК 821.111-4(Джонсон С.). DOI 10.51762/1FK-2022-27-03-10. ББК Ш33(4Вел)5-8,44.
ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 10.01.03 (5.9.2)

СЮЖЕТ ОТШЕЛЬНИЧЕСТВА В ЭССЕ С. ДЖОНСОНА «ВИДЕНИЕ ФЕОДОРА, ПУСТЫННИКА С ТЕНЕРИФ, НАЙДЕННОЕ В ЕГО КЕЛЬЕ»

Макарова Л. Ю.

Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3962-4262>

Аннотация. В статье рассматривается «Видение Феодора» Сэмюэля Джонсона как пример одного из поучительных произведений английской литературы эпохи Просвещения. Целью работы явился анализ сюжета в аспекте преломления в нем визионерской традиции. Историко-литературный комментарий позволил уточнить оценки «Видения» в английской критике XVIII века и подходы современного англоязычного литературоведения к эссе. Определена оригинальность идеи С. Джонсона в сюжетостроении видения, которая заключается в создании ситуации отшельничества героя на экзотическом острове Тенерифе. Обращение к путевым очеркам «Путешествие на Гебриды» С. Джонсона помогло обозначить возможные причины создания писателем художественного образа острова как «правдоподобного» пространства для духовного опыта Феодора. Эффект достоверности видения достигается и с помощью мотива рукописи, найденной в келье, и аллюзии в имени героя. Сложное внутреннее состояние героя (страстное желание подняться на вершину горы и сомнение в поступке) становится исходным пунктом в развитии сюжета. Писатель использует традиционный визионерский мотив сна, благодаря которому Феодор получает возможность увидеть окрестности Тенерифе в ином свете и получить нравственный урок. Под водительством духа Хранителя Феодор обозревает гору Бытия и исследует горное пространство как аллегория жизненного пути. Аналитизм в описании людского потока напоминает рассуждения Р. Декарта в трактате «Страсти души» и свидетельствует о сложном понимании природы человеческой души в «Видении» Джонсона. Писатель полагает, что в жизни разум и правоверие являются единственно верными духовными опорами. Сделан вывод о том, что Джонсон модифицирует традицию жанра видения для воплощения просветительской программы. В духе времени писатель усиливает дидактический пафос, придает повествованию «документальность» и правдоподобие и приближает переживания Феодора к читателям «Наставника».

Ключевые слова: английское просвещение; английская литература; английские писатели; литературное творчество; литературные жанры; эссе; литературные сюжеты; отшельничество; литературные герои; видения; герой-визионер; аллегории

Для цитирования: Макарова, Л. Ю. Сюжет отшельничества в эссе С. Джонсона «Видение Феодора, пустытника с Тенериф, найденное в его келье» / Л. Ю. Макарова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2022. – Т. 27, № 3. – С. 115–124. – DOI: 10.51762/1FK-2022-27-03-10.

THE THEME OF “HERMITAGE” IN SAMUEL JOHNSON’S ESSAY “THE VISION OF THEODORE, THE HERMIT OF TENERIFFE, FOUND IN HIS CELL”

Ludmila Yu. Makarova

Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3962-4262>

Abstract. The article considers “The Vision of Theodore” by Samuel Johnson as an example of the cautionary tales of the English Enlightenment literature. The aim of the article is to analyze the plot in terms of refraction of the visionary tradition in it. The historical-literary commentary has made it possible to clarify the evaluations of “The Vision of Theodore” in the 18th century English criticism and the approaches of the modern English literary criticism to the essay. The study highlights the originality of Johnson’s idea in the construction of the plot of the vision, which consists in the creation of the situation of hermitage of the protagonist on the exotic island of Tenerife. A look at the travelogue essays “The Journey to the Hebrides” by Johnson has helped the author of the article to identify possible reasons for the writer’s creation of an artistic image of the island as a “plausible” space for Theodore’s spiritual experience. The effect of the authenticity of the vision is also achieved through the motif of the manuscript found in the cell and the allusion in the protagonist’s name. The protagonist’s complicated inner state (including his passionate desire to climb the mountain and the doubts about the action) becomes the starting point in the development of the plot. Johnson uses the popular visionary motif of a dream due to which Theodore gets an opportunity to see the surroundings of Tenerife in a different light and learn a moral lesson. Under the guidance of the guardian spirit, Theodore observes the mountain of Existence and explores the mountain space as an allegory of the life path. The analytical nature of the description of the human flow resembles the reasoning of R. Descartes in his treatise “Passions of the Soul” and testifies to the complex understanding of the essence of the human soul in “The Vision of Theodore” by Johnson. The writer believes that reason and faith are the only true spiritual supports in life. It is concluded that Johnson modifies the tradition of the visionary genre to implement the enlightenment program. In the spirit of the times, the writer enhances the didactic pathos, makes the narrative sound documentary and true-to-life, and brings Theodore’s experiences closer to the readers of “The Preceptor”.

Keywords: English Enlightenment; English literature; English writers; literary creative activity; literary genres; essay; literary plots; hermitage; literary characters; visions; visionary character; allegories

For citation: Makarova, L. Yu. (2022). The Theme of “Hermitage” in Samuel Johnson’s Essay “The Vision of Theodore, the Hermit of Teneriffe, Found in His Cell”. In *Philological Class*. Vol. 27. No. 3, pp. 115–124. DOI: 10.51762/1FK-2022-27-03-10.

В богатой художественными традициями западноевропейской литературе Просвещения выделяются такие произведения, которые «насыщены не эмоциями, а мыслью, развертывающиеся перед читателями тезисы – сюжеты» [Пахсарьян 2001: 96]. Это высказывание Н. Т. Пахсарьян, описывающее положение философской повести в жанровой системе эпохи, можно отнести и к произведениям иных жанров, но также представляющих дискуссию, связанную с поиском ответов о жизни, обществе и человеке. Во многих повестях и эссе XVIII в., пафос которых заключался в совершенствовании нравственности, «примеры», выступающие в роли аргументов в полемике, призваны были пробудить самосознание читателя, активизировать его разум и заострить внимание на значимых просветительских идеях. В ряду поучительных произведений английской ли-

тературы XVIII века находится написанное великим мыслителем и писателем Сэмюэлем Джонсоном эссе «Видение Феодора, пустычника Teneriffского, найденное в келье».

Это произведение вызывает исследовательский интерес с жанровой точки зрения: в главении есть указание на «видение», переживаемое героем. Как известно, эссеистика эпохи Просвещения стала полем проявления визионерской традиции: произведения, написанные в жанре видения, мы встречаем в творчестве Р. Стила, Дж. Аддисона, Г. Филдинга. Пластичная форма эссе, открытого для экспериментов, позволила и С. Джонсону актуализировать черты средневекового жанра и представить его модификацию в «Видении Феодора», вопросы поэтики которого привлекли наше внимание.

Современному российскому читателю «Видение Феодора» практически не известно;

редко оно встречается в исследованиях отечественных литературоведов: лишь узкие специалисты обращались к этому произведению С. Джонсона со второй половины XX века до 2010-х гг. [Кубачева 1962; Левин 1967; Шелемова 2013]¹. Между тем, читательской среде второй половины XVIII века были знакомы аллегорические произведения Джонсона; в их числе и «Видение Феодора»: в 1760 г. оно было переведено на русский язык с немецкого и, став популярным среди читателей, в течение трех десятилетий выдержало пять изданий в российских журналах [Левин 1967: 30]. Полагаем, что необходимо уточнить некоторые сведения об изданиях произведения С. Джонсона и осветить оценки эссе в английской критике и подходы к изучению «Видения», представленные в современном англоязычном литературоведении.

«Видение Феодора» было написано в 1748 году для дидактической хрестоматии драматурга и книгопродавца Роберта Додсли «Наставник, или всеобщая система воспитания, преподающая первые основания учения» в 12 частях и двух томах [Dodsley 1748: 520–530]. В этом издании, а также в «Журнале джентльмена» [The Gentleman's magazine 1748: 159–163] «Видение» было напечатано анонимно, однако имя автора было известно первым критикам писателя, а само произведение оценивалось положительно. Так, изучая восприятие «Видения» современниками С. Джонсона, Гвин Кольб, американский специалист по аллегорической прозе писателя, ссылается на свидетельство Томаса Тайерса о том, что «Видение» было написано Джонсоном «за одну ночь» [Kolb 1984: 107]. Мнения, высказанные епископом Томасом Перси, Джозефом Тауэром, Джеймсом Харрисоном, схожи с оценкой, данной Джеймсом Босуэллом: он назвал «Видение» «самой красивой аллегорией человеческой жизни» [Kolb 1984: 122]. В период с 1748 по 1810 гг. «Видение Феодора» издавалось как в составе «Наставника», так и самостоятельно во множестве английских журналов. Эссе включалось и в собрания сочинений писателя начи-

ная с самого первого 1787 г. [Johnson 1787: 145–162] и до наиболее полного собрания произведений Джонсона, издаваемого с 1958 г. в Йельском университете [Johnson 1990: 195–213].

В соответствии с воспитательной целью «Наставника» размещенное в разделе XII «Человеческая жизнь и манеры» «Видение» сопровождалось предуведомлением, обращенным к читателям – ученикам: это рассуждения Учителя, в которых объясняется «разница между привычками, чувствами и страстями», рационально и взвешенно доказывается необходимость обзаведения хорошими привычками и следования правилам воспитания. «Видение Феодора» не случайно следовало за «Уроками хороших манер» как произведение, посвященное вопросам выбора жизненного пути под предводительством разума и веры или в сетях привычек и нравственных недугов.

В хрестоматию Р. Додсли вошли не только произведения, специально созданные для нее, но также известные читателям по другим изданиям. Такими явились два перевода с греческого, связанные с «Видением Феодора» в обрамлении рассуждений Наставника: размышления о страстях завершаются «Выбором Геракла», диалогом, составленным Продиком и рассказанным Ксенофонтом в «Памятных вещах Сократа»; дидактические замечания о «приобретении мудрых и благоразумных чувств и мнений» иллюстрируются «Картиной человеческой жизни» Кебеса – фиванца, ученика Сократа. Сюжеты сопутствующих «Видению» переводов с греческого стали достаточно популярными ко времени жизни и творчества С. Джонсона. Еще в эпоху Ренессанса образ Геракла, размышляющего над выбором жизненного пути, был интерпретирован в христианских традициях в трактате Ф. Петрарки, в произведениях М. Пальмьери, С. Бранта, Б. Джонсона. В Новое время сюжет о выборе Геракла послужил предметом размышлений Э. Шефтсбери², был положен в основу одноименного эссе Дж. Аддисона. «Картина человеческой жизни» Кебеса, написанная в середине II в. до н. э. на основе теории Платона о пред-

¹ Изучая русские переводы «Видения Феодора», исследователи Кубачева, Шелемова и Ф. Каримиан не указывают авторство С. Джонсона, лишь в работе Ю. Д. Левина устанавливается «английский источник русских статей» [Левин 1967: 7].

² Э. Шефтсбери заказал картину на сюжет «Выбора Геракла» и написал предназначенную для художника Паоло ди Маттеусу «Заметку об историческом проекте, или Табулатуру Суда Геракла...», текст которой был известен просвещенным английским читателям.

существовании, явилась одним из первых аллегорических описаний жизненного пути с его сложностями и искушениями. Рассуждениям Кебеса «о природе добра и зла» и об «управлении своими пороками», воплощенными в полярных образах благородства и неблагородства, был созвучен «дуализм средневековых представлений, резко расчленивших мир на полярные пары противоположностей» [Гуревич 1984: 84]. А затем и просветительские представления о нравственном выборе и духовном возвышении души человека оказались близки сентенциям античного писателя. Неслучайно в первой половине XVIII века «Картина» активно переводилась на европейские языки¹. Английский критик Числхолм Хью сравнивал произведение Кебеса с «Путем паломника» Беньяна (1684 г.), а в эссе «Данте» И. В. Гёте писал о том, что «пространственное построение Дантова Ада» таково, «будто перед нами перевернутая картина Кебеса»: «воронка вместо конуса»². В предисловии к «Наставнику», которое написал сам С. Джонсон, писатель отмечал, что обе басни «имели наивысший авторитет в древнем языческом мире», хотя путь к мудрости предполагает в первую очередь знание Священного Писания.

Современные англоязычные исследователи, изучая «Видение», неоднократно обсуждали вопрос о сходстве произведения С. Джонсона с греческими переводами Продика и Кебеса: в какой степени на замысел писателя повлияли «Выбор Геракла» и «Картина», когда он разрабатывал свой сюжет на тему, ставшую ведущей в XVIII веке – пути достижения человеческого счастья [Цит. по: Kolb 1990: 183]. Гвин Колб предполагает в своих изысканиях, что оригинальность произведения Джонсона обусловлена обращением писателя к традиции жанра видения, широко представленной в английской литературе от «Жемчужины», среднеанглийской поэмы, до «Видения Мирзы» Дж. Аддисона. Опираясь на предположение Г. Колба, мы рассмотрим произведение С. Джонсона в связи с преломлением визионерской традиции.

В «Видении Феодора» тема выбора пути в стремлении к счастью разворачивается в по-

вестовании, связанном с отшельничеством на острове. Именно изоляция некогда светского человека на экзотическом острове Тенерифе определяет новизну подхода Джонсона к разработке визионерского сюжета.

Обратим внимание на развернутое заглавие эссе, в котором сообщается о пережитом видении, указываются отшельническое положение героя, его имя, название острова Тенерифе, а также уточняется то обстоятельство, при котором о судьбе Феодора стало известно: «видение... найдено в келье» (162). Обилие перечисленных обстоятельств призвано создать эффект «правдоподобия» «Видения»: как в средневековой традиции, материалом для повествования становится история «из жизни», произошедшая с самим ясновидцем, им и записана [Ярхо 1989: 28]. Однако акцент на «документальной» основе истории Феодора считается также особенностью литературы Просвещения, отличающейся «пристрастием к факту» [Шайтанов 1987: 21]. И введенный в сюжет мотив найденной рукописи в большей степени должен свидетельствовать о «достоверности» судьбы отшельника и вызывать доверие у юного читателя, которому адресована хрестоматия Р. Додсли.

В связи с обозначенными художественным пространством и с именем героя возникает ряд вопросов. Почему именно Тенерифе избирается Джонсоном для места развития действия во «Видении»? Как связан Феодор со своими одноименными предшественниками – христианскими святыми? В ответах на эти вопросы помогает собрание сочинений С. Джонсона 1825 г. в девяти томах [Johnson 1825]. В девятом томе в ряду произведений сначала следуют путевые очерки «Путешествие на Гебриды», а затем «Видение Феодора». Конечно, не хронология написания произведений объясняет их публикацию в одном томе и друг за другом: видение написано в 1748 г., а «Путешествие» в 1775 г. Вероятно, произведения объединяет общая тема выбора достойного, нравственно-го жизненного пути, который может служить примером для будущих поколений читателей. Напомним, что в «Путешествии на Гебридские

¹ В XVIII веке перевод «Картины» на русский язык был осуществлен А. Кантемиром в 1729 г., на английский произведение Кебеса переведено Дж. Кольером в 1710, а также Томасом Скоттом в 1754 г.

² Это сравнение привел И. В. Гете, глядя на фреску Андрео ди Чоне (Орканья), который в капелле Строцци изобразил дантовский Ад с подробно выписанными девятью кругами [Гете 1980: 388–389].

острова» отражены впечатления от посещения С. Джонсоном внешних Шотландских островов, которые когда-то были местами подвижничества знаменитых кельтских святых, среди которых святые Брендан, Кормак, Роллан, Колумба. И то, что суровые острова в Атлантике являлись местами отшельничества, неудивительно: как пишет Преподобный Андрей Филлипс, «если подвижники Востока удалялись в пустыни, а аскеты Севера – в леса, то пустытники Запада уходили спасаться на острова, подвизались на побережье и возле устьев рек – эстуариев, возведя бесчисленное количество островных и прибрежных храмов» [Филлипс 2013]. Эту землю монахи – скотты, ищущие аскезы и «белого мученичества», хотели обратить ко Христу, дали свой язык, название стране Альба (Шотландия), оставили после себя отшельнические домики, кельи и монастыри. Полагаем, наряду с изучением природы и состояния культуры современной Джонсону Шотландии, писателю были интересны места, связанные со святыми и сохранившие память об их деяниях. Об этом свидетельствует одна из его записей «Путешествия на Гебриды»: «Говорят, что некоторые из этих разрушений встречаются на островах, ныне необитаемых; но я сомневаюсь, что мы можем отсюда сделать вывод, были ли они когда-либо заселены. Хорошо известно, что религия средневековья возлагала слишком много надежд на одинокие аскезы. Добровольное уединение было великим искусством умилоствления, с помощью которого преступления стирались, а совесть успокаивалась; поэтому не исключено, что молельни часто строились в местах, где уединение наверняка не вызывало беспокойства» [Johnson 1825: 62]. Отмечая особую атмосферу отдаленного от мира островного пространства, Джонсон подчеркивает, насколько оно способствует духовному уединению. Размышления писателя о суровой природе Гебридских островов и о древних памятниках – свидетельствах отшельничества как пути исполнения духовных обетов – помогают объяснить и причину возникновения образа Тенерифе в «Видении Феодора». Необычный ландшафт с возвыша-

ющимся пиком вулкана Тейде, вероятно, мог стать основой «правдоподобного» образа окруженного океаном безлюдного острова, в центре которого «каменные холмы горы Тенерифе» (162)¹.

Неслучайным является и имя героя: Феодор, означающее «дар Божий» и отсылающее к святым, среди которых вспоминается Феодор Иорданский, христианский отшельник, почитаемый в лике преподобных в Православной и Католической церкви. Известно, что в юности он удалился в Иорданскую пустыню, приняв монашество. Однако отшельничество вымышленного Феодора Тенерифского, хотя и вынужденное, не имело изначально цели духовного служения. Герой сам отмечает, что уединился ради смены обстановки для обретения покоя и счастья. В прошлом занимавшийся торговлей с целью обогащения, наслаждавшийся вниманием женщин, чувствительный к лести и исполненный тщеславия, достигший величия, но не испытавший счастья, Феодор резко порывает с привычным для него миром и оказывается на острове Тенерифе: «Здесь увидел я плоды, траву и воду, и здесь решился я ожидать смерти, которая, как я уповаю, придёт наконец сладостно меня успокоить» (162). Произошли перемены в образе жизни будущего визионера: «в добровольном» отшельничестве за пределами привычного мира цивилизации, вне деловой и светской среды он лишен «мирских забот», «склонности блуждать дальше, необходимости добывать средства к существованию»; благоразумие и терпимость, строгость и воздержание в окружении природы – вот что выбирается героем. Уделом становится тихое, скромное существование, без потрясений, взлетов и падений.

Автор намеренно подчеркивает длительное пребывание героя на острове. Во вступлении герой дважды упоминает о десятилетиях одиночества, подобно тому, как Даниэль Дефо перечислял годы пребывания на острове Робинзона Крузо или Джонатан Свифт считал годы путешествий Гулливера. О том, что сорок восемь лет уединения не способствовало изменению нрава, свидетельствует то неожидан-

¹ В силу того, что язык русских переводов эссе, сделанных во второй пол. XVIII века, устарел, а также не всегда точно текст перевода соответствует тексту оригинала (например, перевод М. И. Веревкина [Сновидение Феодора 1789–1792: 518–529]), мы здесь и далее цитируем «Видение Феодора» по изданию собрания сочинений С. Джонсона 1825 года [Johnson 1825: 162–175] с указанием страниц в круглых скобках. Перевод наш (Л. Ю. Макарова).

ное внимание к скале, которая возвышалась над крышей отшельнического домика Феодора и манила героя. Вид «скалы, нависшей над келью» (163) пробуждает в душе Феодора желание подняться и покорить высоту, чтобы затем «увидеть и вершину горы, у подножия которой он так долго жил» (164). Сам Феодор аналитически относится к прошлому, и возникшее желание оценивает критически, раскрывая борьбу со своими помыслами: «это движение моих мыслей я старался подавить не потому, что оно казалось преступным, а потому, что оно было новым; и все перемены явно не к лучшему, тревожат ум, научившийся на опыте не доверять себе» (163). В раздумьях героя нужно обратить внимание на те философские уроки, которые он извлек из своей прошлой жизни: возможные перипетии он оценивает скептически, испытывая страх утратить покой в устройстве настоящей жизни. Главное, что в оценке своих возможностей и путей, перед ним открывающихся, Феодор опирается на самого себя. И испытывает недоверие к своей природе, так и не изменившейся кардинально! Сэмюэль Джонсон приводит своего героя и читателей к пониманию того, что «тварная природа» непреодолима в результате только перемены обстоятельств. Мотив недоверия героя к самому себе усиливается благодаря пронизательности Феодора: он подозревает, что созерцание природы избирает по причине «скрытого желания еще раз смешаться с жизненными сценами», а «нетерпение заточения проистекает из какой-нибудь земной страсти» (163). «Привычка», «Земная страсть», «скрытое желание» (162–163) – это ключевые понятия, которые препятствуют переменам в нраве Феодора, таким образом, Джонсон подводит читателя к мысли о том, что необходимы иные условия для духовного развития человека и преодоления страстей и скрытых неразумных желаний.

Целая гамма чувств, свидетельствующих о смятении героя – рассеяние, сомнения, упреки и подозрения в собственном страхе и вместе с тем неодолимое желание осуществить намерение – все это в комплексе сподвигает Феодора начать восхождение. В картине, открывшейся взору героя, выделяем важные моменты, которые сближают повествование с жанром видения, и первым сигналом является встреча с проводником. В минуту отдыха

«в тени листвы», «под дуновения весеннего ветра», когда физическая усталость одолела тело героя, а сомнения в продолжении пути вновь охватили его душу, Феодор испытывает «непреодолимую тяжесть» и «смирняется со сном» (163). С. Джонсон вводит в сюжет традиционный для видения мотив сна, тем самым подчеркивается избранничество души отшельника, которому дана возможность получить урок. Кроме того, благодаря мотиву сна повествование о Феодоре становится «похоже на древние чудеса», и потому считается «годным «для просвещения душ»», как писал Беда Достопочтимый в предисловии к «Видению Дриктхелма» [Ярхо 1989: 22–23].

«Предавшись сну», Феодор слышит шум крыльев, ставший знаком появления существа, превосходящего человека по своим размерам: этот поводырь представляется «одним из благожелательных существ, которые присматривают за детьми праха, чтобы уберечь их от тех зол, которые в конце концов не приведут к добру и которые они не навлекут на себя по своим собственным ошибкам» (164). Проводник значим для Феодора как «дух Хранитель», неоднократно побуждающий героя продвигаться дальше в своем странствии, «исследовать во круг без страха: наблюдать, созерцать, [...] получать наставления» и «быть мудрым» (164). Дух Хранитель, в отличие от поводыря визионера в сюжете средневекового видения, намерен не только приобщить Феодора к эсхатологическому пространству, но и показать примеры проявления различных нравов с целью просветления героя в его земном пути. Призыв, звучащий рефреном на протяжении всего пути Феодора, станет и его собственным приветствием к «сыну Упорства» – читателю (162).

Следующий важный момент – это странствие горы Бытия, как определяет ее Наставник. Поясним, что, называя гору, писатель использует слово «existence»: “The Mountain of Existence is before thee, survey it...” (164). В «Словаре Сэмюэля Джонсона» разграничиваются «genesis» как «Первая книга Моисея, которая объясняет процесс творения мира» и «existence»: слово трактуется буквально как «state of being», т. е. «состояние бытия». Уточнить смысл «existence» можно и через слово «life»: в третьем значении слово «жизнь» означает «possession of terrestrial existence» [Johnson

1755]. Думаем, именно земное существование, в котором многообразно проявляются вечные сущности, имел в виду Сэмюэль Джонсон в сюжете «Видения». Эта гора превосходит по своей высоте гору Тенерифе, которая являлась целью Феодора: «до вершины [горы Бытия] человеческий глаз никогда не мог бы добраться» (164). Кроме того, она будто бы лишена основания (у основания ее «пустота и тьма») и парит в небе. Устройство горы с «пологим подъемом у подножия, усыпанным цветами», серединой – «более крутой, прерываемой пропастью», разбросанными дворцами и беседками», вершиной с «бесплодными расселинами скал» и несколькими «вечнозелеными растениями» (164) – становится аллегорией жизненного пути и финала, который каждый обретет в зависимости от совершенных благодеяний и ошибок. Соответственно, толпа взбирающихся на вершину людей – это обобщенный образ человечества, мужчин и женщин, проживающих в течение подъема целую жизнь и испытывающих на пути к вершине воздействие поводырей, одни из которых помогают достичь цели и обрести блаженство, другие создают препятствия и увлекают души в пропасть.

Невинность, Воспитание, Рассудок, Правоверие, Вожделение, Страсти и Привычки – спутники поднимающихся людей – предстают в антропоморфных образах. Подчеркивая чистоту души человека в начале жизни, в духе идей Д. Локка, Джонсон представляет Невинность в образе «целомудренной девы в белой одежде» (165); Воспитание, возглавляющее шествие, непрестанно заботясь о душах шествующих, «имеет важный вид и нечто повелительное» (165). Пагубное воздействие Вожделения подчеркивается намерением фигуры побудить шествие «сбиться с дороги», «оставить стезю» (166), указанную Воспитанием. По мере «взросления» душ за ними начинают следовать «пигмеи» (167) с цепями в руках – это аллегорические образы дурных Привычек, опутывающих человека исподволь, незаметно и лишаящих его воли. Они становятся неизменными спутниками тех, кто склонен к Вожделению, не восприимчив к увещанию Предосторожности и забывает о Воспитании. В прямой зависимости от власти Привычек над душами находится их рост: Пигмеи вырастают, становясь великанами, если сила их превосходит волю

человека, попадающего в рабство пороков. «Богинями» на горе Бытия оказываются Разум и Правоверие. Выводя эти фигуры, помогающие идти «путем Блаженства», Джонсон ставит акценты в их влиянии на душу человека. Разум предстает изображенным как более податливая фигура, склонная к «договору» с пагубными Привычками, и следование Разуму не может укрепить волю человека от воздействия Вожделений и Страстей: людей под гнетом этих недугов ожидает «страна Сладострастия и ров Отчаяния» (168). Гордость, Привычки, Сладострастие – это то, что ослабевает силу Рассудка. «Привычки накладывают оковы, Отчаянье повергает в бездну, в ущелья по ту сторону мрака», и «из этих темниц никто уйти не может» (169). Однако те, кто слышит голос Рассудка, вспоминают о Воспитании и присоединяются к Правоверию. Шествие таких спутников единообразно, внимание не отвлекается на окружающие предметы, «пленяющие взор».

Размышляя о своем воздействии на душу человека, Разум объясняет, что «сила его состоит в увещании, а не в принуждении»; «он уже представил опасность выбора [человека]». Только лишь Правоверие «может провести через неравные места, стремнины» (168). Более того, зрение Разума ограничено, и он не в силах сопровождать людей сквозь туман, скрывающий видимую часть на вершине горы, где расположены храмы Счастья. Лишь острый взор Веры способен разглядеть путь Блаженства сквозь завесу мрака.

Развернуто Феодор описывает испытания, которым подвергают шествующих Страсти, Вожделения, как они «нападают», «сворачивают с истинного пути на ложный», и путь этот «многолюднее истинного» (170–171). Сцены «коварства», «обмана», «сворачивания последователей Разума» напоминают дихотомию страстей и их влияние на человеческий организм в трактате Р. Декарта «Страсти души». Декарт раскрыл механизм образования гнева через соединение с другими страстями, проанализировал возникновение благосклонности, негодования, жалости, великодушия через «движение духов». Так, например, трактует философ чувство жалости: это «вид печали, смешанный с любовью или доброжелательностью к тем, кто переживает какое-нибудь незаслуженное горе» [Декарт 1989, 1: 135]. И Джонсон будто бы

перенимает стиль картезианского размышления и рационально и подробно иллюстрирует картину жизненного пути и влияния на нравственность человека самых разных факторов, среди которых дурные привычки занимают главенствующее место.

Наблюдения за участью душ, утрачивающих волю и погружающихся в меланхолию (174), печалят Феодора и ввергают его в раздумья. «Пока [он] размышлял об этой жалкой сцене, [его] покровитель воззвал: «Вспомни, Феодор, и будь мудрым, и пусть не одолеет тебя привычка» (175). Видение внезапно прерывается в наивысший миг переживаний героя, и повествование контрастно завершается картиной цветущей природы в свете солнечных лучей. Яркие, светлые тона в описании природы передают ощущение покоя и радости в мире и помогают понять состояние души героя: урок воспринят Феодором, и на пятьдесят седьмом году уединения он «оставляет [...] наставление

человечеству, чтобы его одинокие часы не были потрачены напрасно» (175). Рукопись Феодора становится своего рода «документом», свидетельствующим о свершившейся в герое духовной перемене.

Благодаря просветлению отшельничество Феодора Тенерифского обретает значение духовного служения, а записанное видение, в просветительском смысле и в соответствии с целями «Наставника», должно служить уроком для учеников как путь достижения Блаженства. Таким образом, обращение к жанровой традиции видения в сюжете эссе позволило С. Джонсону воплотить дидактическую программу и представить сквозь призму визионерского взгляда отшельника Феодора «достоверно» и «правдоподобно» пеструю картину человеческих нравов, примеры духовной стойкости и слабости, а также возможность праведного устройства жизни под руководством Разума и Правотверия.

Литература

- Гете, И. В. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 10: Данте / И. В. Гете. – М. : Художественная литература, 1980. – С. 388–389. – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=174176&tr=10&ysclid=l84vw6w6ea518400033> (дата обращения: 17.09.2022). – Текст : электронный.
- Гуревич, А. Я. Категории средневековой культуры / А. Я. Гуревич. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Искусство, 1984. – С. 84.
- Декарт, Р. Сочинения : в 2 т. Т. 1: Страсти души / Р. Декарт ; сост., ред. В. В. Соколова ; пер. с лат. и фр. С. Я. Шейнман-Топштейн [и др.]. – М. : Мысль, 1989. – С. 135.
- Кубачева, В. Н. «Восточная» повесть в русской литературе XVIII – начала XIX века / В. Н. Кубачева // XVIII век. Т. 5. – Л. : Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, 1962. – С. 295–315.
- Лабутина, Т. Л. Рецепция идейного наследия английского Просвещения в США, Франции и России в XVIII веке / Т. Л. Лабутина // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 51. – М. : Акви-лон, 2015. – С. 151–164.
- Левин, Ю. Д. Английская просветительская журналистика в русской литературе XVIII века / Ю. Д. Левин // Эпоха просвещения: из истории международных связей русской литературы / под общей ред. М. П. Алексеева. – Ленинград : Наука, Ленинградское отделение, 1967. – С. 30.
- Никулина, С. С. Образы визионеров и видений в «Церковной истории народа англо-бедны» / С. С. Никулина. – Текст : электронный // Via in tempore. История. Политология. – 2021. – Т. 48, № 2. – С. 328–337. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazy-vizionerov-i-videniy-v-tserkovnoy-istorii-naroda-anglo-bedy-dostopochtennogo/viewer> (дата обращения: 17.09.2022).
- Пахсарьян, Н. Т. «Ирония судьбы» века Просвещения: обновленная литература или литература, демонстрирующая «исчерпанность старого»? / Н. Т. Пахсарьян // Зарубежная литература второго тысячелетия. 1000–2000 : учебное пособие / под ред. Л. Г. Андреева. – М. : Высшая школа, 2001. – С. 96.
- Филипп, А. Святые и святые Гебридских островов / А. Филипп. – 2013. – URL: <https://rusk.ru/st.php?idar=63311&ysclid=l7up6j9k2y576610261> (дата обращения: 12.09.2022). – Текст : электронный.
- Шайтанов, И. О. «Столежье безумно и мудро...» / И. О. Шайтанов // Англия в памфлете: Английская публицистическая проза нач. XVIII века. : пер. с англ. / сост., авт. предисл. и коммент. И. О. Шайтанов. – М. : Прогресс, 1987. – С. 21.
- Шелемова, А. О. Восточные сюжеты в русской журнальной прозе второй половины XVIII века: тексты, жанровая специфика, идейные приоритеты / А. О. Шелемова, К. Фаззех. – Текст : электронный // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. – 2013. – № 3. – С. 9–16. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vostochnye-syuzhety-v-russkoy-zhurnalnoy-proze-vtoroy-pолоviny-xviii-veka-teksty-zhanrovaya-spetsifika-ideynye-prioritety?ysclid=l84vyr2r4040271853> (дата обращения: 17.09.2022).
- Эпштейн, М. Эссеизм в культуре Нового времени / М. Эпштейн // Парадоксы новизны. – М. : Прогресс, 1987. – С. 334–379.
- Ярхо, Б. И. Из книги «Средневековые латинские видения» / Б. И. Ярхо // Восток-Запад: Исследования, переводы, публикации. Вып. 4. – М., 1989. – С. 22–23.

Johnson, S. *Dictionary of the English language: in which the words are deduced from their originals and illustrated in their different significations by examples from the best writers: To which are prefixed a history of the language, and an English grammar* : in 2 vols. / S. Johnson. – London : Printed by W. Strahan etc., 1755. – URL: <https://johnsonsdictionaryonline.com/> (mode of access: 17.09.2022). – Text : electronic.

Johnson, S. *The Vision of Theodore, the Hermit of Teneriffe, found in his Cell* / S. Johnson. – Text : electronic // *The works of Samuel Johnson in nine volumes*. Vol. 9 / S. Johnson. – London : Printers Oxford, Talboys and Wheeler, 1825. – P. 162–175. – URL: <https://books.google.tm/books?id=Uo8xkujIA78C&printsec=frontcover#v=onepage&q&f=false> (mode of access: 17.09.2022).

Johnson, S. *The Vision of Theodore, the Hermit of Teneriffe, found in his Cell* / S. Johnson. – Text : electronic // *The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson* : in 20 vols. Vol. 16: *Rasselas and Other Tales* / ed. J. G. Kolb. – New Haven and London : Yale University Press, 1990. – P. 195–213. – URL: <http://www.yalejohnson.com/frontend/> (mode of access: 17.09.2022).

Johnson, S. *The Vision of Theodore, the Hermit of Teneriffe, found in his Cell* / S. Johnson. – Text : electronic // Johnson S. Hawkins J. *The works of Samuel Johnson, LL.D. Together With his Life, and Notes on his Lives of the Poets in eleven volumes*. Vol. XI. – London : Printed for J. Buckland, J. Rivington and Sons, 1787 – P. 145–162. – URL: <https://archive.org/details/workssamueljohno9hawkgoog/page/91/mode/2up> (mode of access: 17.09.2022).

Kolb, G. J. Editor's introduction / G. J. Kolb. – Text : electronic // *Johnson S. The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson* : in 20 vols. Vol. 16: *Rasselas and Other Tales* / ed. J. G. Kolb. – New Haven and London : Yale University Press, 1990. – P. 183. – URL: http://www.yalejohnson.com/frontend/sda_viewer?n=106857 (mode of access: 17.09.2022).

Kolb, G. J. *The vision of Theodore: Genre, Context, Early Reception* / G. J. Kolb. – Text : electronic // *Johnson and His Age* / ed by J. Engell. – Harvard : Harvard University Press, 1984. – P. 107–124. – URL: https://books.google.co.uk/books?id=mRL8t_wVl-EC&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_vpt_buy#v=onepage&q&f=false (mode of access: 17.09.2022).

The Vision of Theodore, the Hermit of Teneriffe, found in his Cell (Johnson) / S. Johnson. – Text : electronic // *The Gentleman's magazine*. – 1748. – Vol. XVIII, No. 4. – P. 159–163. – URL: https://archive.org/details/sim_gentlemans-magazine_1748-04_18_4 (mode of access: 17.09.2022).

The Vision of Theodore, the Hermit of Teneriffe, found in his Cell. – Text : electronic // Dodsley R. *The Preceptor: Containing a general course of education where in the first principles of polite learning are laid down in a way most suitable for trying the genius, and advancing the instruction of youth* : in 12 p., in two volumes. Part XII. Vol. 2. – London : Dodsley, 1748. P. 520–530. – URL: https://books.google.st/books?id=YOb3PfsaSm8C&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false (mode of access: 17.09.2022).

References

Dekart, R. (1989). *Sochineniya: v 2 t.* [Works, in 2 vols]. Vol. 1: *Strasti dushi* / ed. by V. V. Sokolova, transl. by S. Ya. Sheinman-Topshtein et al. Moscow, Mysl', p. 135.

Epshteyn, M. (1987). *Esseizm v kul'ture Novogo vremeni* [Essayism in the Culture of Modern Times]. In *Paradoksy novizny*. Moscow, Progress, pp. 334–379.

Filips, A. (2013). *Svyatye i svyatyni Gebriidskikh ostrovov* [Saints and Sanctaries of the Hebrides]. URL: <https://rusk.ru/st.php?idar=63311&sysclid=l7yp6j9k2y576610261> (mode of access: 12.09.2022).

Gete, I. V. (1980). *Sobranie sochinenii: v 10 t.* [Collected Works, in 10 vols]. Vol. 10: *Dante*. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, pp. 388–389. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=174176&p=10&sysclid=184vw6w6ea518400033> (mode of access: 17.09.2022).

Gurevich, A. Ya. (1984). *Kategorii srednevekovoi kul'tury* [Categories of Medieval Culture]. 2nd edition. Moscow, Iskusstvo, p. 84.

Johnson, S. (1748). *The Vision of Theodore, the Hermit of Teneriffe, found in his Cell*. In *The Gentleman's magazine*. Vol. XVIII. No. 4, pp. 159–163. URL: https://archive.org/details/sim_gentlemans-magazine_1748-04_18_4 (mode of access: 17.09.2022).

Johnson, S. (1755). *Dictionary of the English Language: In Which the Words Are Deduced from Their Originals and Illustrated in Their Different Significations by Examples from the Best Writers: To Which Are Prefixed a History of the Language, and an English Grammar*, in 2 vols. London, printed by W. Strahan etc. URL: <https://johnsonsdictionaryonline.com/> (mode of access: 17.09.2022).

Johnson, S. (1787). *The Vision of Theodore, the Hermit of Teneriffe, found in his Cell*. In Johnson, S. Hawkins, J. *The works of Samuel Johnson, LL.D. Together With his Life, and Notes on his Lives of the Poets in eleven volumes*. Vol. XI. London, printed for J. Buckland, J. Rivington and Sons, pp. 145–162. URL: <https://archive.org/details/workssamueljohno9hawkgoog/page/91/mode/2up> (mode of access: 17.09.2022).

Johnson, S. (1825). *The Vision of Theodore, the Hermit of Teneriffe, found in his Cell*. In *The works of Samuel Johnson in nine volumes*. Vol. 9. London, Printers Oxford, Talboys and Wheeler, pp. 162–175. URL: <https://books.google.tm/books?id=Uo8xkujIA78C&printsec=frontcover#v=onepage&q&f=false> (mode of access: 17.09.2022).

Johnson, S. (1990). *The Vision of Theodore, the Hermit of Teneriffe, found in his Cell*. In Kolb, J. G. (Ed.). *The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson*, in 20 vols. Vol. 16: *Rasselas and Other Tales*. New Haven and London, Yale University Press, pp. 195–213. URL: <http://www.yalejohnson.com/frontend/> (mode of access: 17.09.2022).

Kolb, G. J. (1984). *The vision of Theodore: Genre, Context, Early Reception*. In Engell, J. (Ed.). *Johnson and His Age*. Harvard, Harvard University Press, pp. 107–124. URL: https://books.google.co.uk/books?id=mRL8t_wVl-EC&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_vpt_buy#v=onepage&q&f=false (mode of access: 17.09.2022).

Kolb, G. J. (1990). Editor's Introduction. In Johnson, S. *The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson, in 20 vols.* Vol. 16: *Rasselas and Other Tales* / ed. by G. J. Kolb. New Haven and London, Yale University Press, p. 183. URL: http://www.yale-johnson.com/frontend/sda_viewer?n=106857 (mode of access: 17.09.2022).

Kubacheva, V. N. (1962). «Vostochnaya» povest' v russkoi literature XVIII – nachala XIX veka [The Oriental Tale in Russian Literature of the 18th Century – the First Half of the 19th Century]. In *XVIII vek.* Vol. 5. Leningrad, Institut russkoi literatury (Pushkinskii Dom) RAN, pp. 295–315.

Labutina, T. L. (2015). Retseptsiya ideinogo naslediya angliiskogo Prosveshcheniya v SShA, Frantsii i Rossii v XVIII veke [Reception of the Ideological Heritage of the English Enlightenment in the USA, France and Russia in the XVIII Century]. In *Dialog so vremenem. Al'manakh intellektual'noi istorii.* Issue 51. Moscow, Akvilon. pp. 151–164.

Levin, Yu. D. (1967). Angliiskaya prosvetitel'skaya zhurnalistika v russkoi literature XVIII veka [English Educational Journalism in the Russian Literature of the XVIII Century]. In Alekseev, M. P. (Ed.). *Epokha prosveshcheniya: iz istorii mezh-dunarodnykh svyazei russkoi literatury.* Leningrad, Nauka, Leningradskoe otdelenie, p. 30.

Nikulina, S. S. (2021). Obrazy vizionerov i videnii v «Tserkovnoi istorii naroda anglov» Bedy Dostopochtennogo [Images of Visionaries and Visions in “Historia Ecclesiastic Agentis Anglorum” by Bede the Venerable]. In *Via in tempore. Istoriya. Politologiya.* Vol. 48. No. 2, pp. 328–337. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazy-vizionerov-i-videniy-v-tserkovnoy-istorii-naroda-anglov-bedy-dostopochtennogo/viewer> (mode of access: 17.09.2022).

Pakhsharyan, N. T. (2001). «Ironiya sud'by» veka Prosveshcheniya: obnovlennaya literatura ili literatura, demonstriruyushchaya «ischerpannost' starogo»? [“The Irony of Fate” of the Age of Enlightenment: Updated Literature or Literature Demonstrating the “Exhaustion of the Old”?]. In Andreev, L. G. (Ed.). *Zarubezhnaya literatura vtorogo tysyacheletiya. 1000–2000: uchebnoe posobie.* Moscow, Vysshaya shkola, p. 96.

Shaytanov, I. O. (1987). «Stolet'e bezumno i mudro...» [“The Century Is Crazy and Wise”]. In Shatanov, I. O. (Ed.). *Angliya v pamflete: Angliiskaya publitsicheskaya proza nach. XVIII veka.* Moscow, Progress, p. 21.

Shelemova, A. O., Faezech, K. (2013). Vostochnye syuzhety v russkoi zhurnal'noi proze vtoroi poloviny XVIII veka: teksty, zhanrovaya spetsifika, ideinye priority [Eastern Plots in Russian Magazine Prose the Second Half of XVIII Century: Texts, Genre Specificity, the Ideological Priorities]. In *Vestnik RUDN. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika.* No. 3, pp. 9–16. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vostochnye-syuzhety-v-russkoy-zhurnalnoy-proze-vtoroy-poloviny-xviii-veka-teksty-zhanrovaya-spetsifika-ideinye-priority?ysclid=l84vyr2r4o40271853> (mode of access: 17.09.2022).

The Vision of Theodore, the Hermit of Teneriffe, found in his Cell. (1748). In Dodsley R. *The Preceptor: Containing a general course of education where in the first principles of polite learning are laid down in a way most suitable for trying the genius, and advancing the instruction of youth, in 12 parts, in two vols.* Part XII. Vol. 2. London, Dodsley, p. 520–530. URL: https://books.google.st/books?id=YOb3PfsaSm8C&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false (mode of access: 17.09.2022).

Yarkho, B. I. (1989). Iz knigi «Srednevekovye latinskie videniya» [From the Book “Medieval Latin Visions”]. In *Vostok-Zapad: Issledovaniya, perevody, publikatsii.* Issue 4. Moscow, Nauka, p. 22–23.

Данные об авторе

Макарова Людмила Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и методики ее преподавания Института филологии и межкультурной коммуникации, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620091, Россия, Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26.

E-mail: zeppelin2302@yandex.ru.

Author's information

Makarova Lyudmila Yur'evna – Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Literature and Methods of Its Teaching of Institute of Philology and Intercultural Communication, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia).

Дата поступления: 17.09.2022; дата публикации: 31.10.2022

Date of receipt: 17.09.2022; date of publication: 31.10.2022